

160

*Галина
Кириллович*

исторические
хроники

Это
не было
или
было...

Галина Кириллович (1977) родилась в Казани. Окончила факультет журналистики, социологии и психологии Казанского государственного университета и социально-экономический факультет Академии социального образования. Работала в отделе экономики газеты «Время и деньги». Увлекается историей, как говорит сама Галина, нередко в ущерб современности. Любимые эпохи – европейское позднее Средневековье и Ренессанс, а также XVI–XVIII века в России. Стихи пишет с 14 лет. Публиковалась в российско-американском молодёжном журнале «Together» («Вместе»), газетах «Молодёжь Татарстана» и «Известия Татарстана», сборнике произведений казанских журналистов «Когда падёт последний бастион». В настоящее время живёт в Руане (Франция)

Бекет*

Звёзды бледные оробели
В тёмных сумерках Кентербери,
Слыша свист обнажённой стали,
Свечи длинные замигали.

Тёплый воск на ступени брызнул,
Закружились огни и мысли,
Крест серебряный не целуя,
Люди бросились врассыпную.

Прислонившись спиной к колонне,
Я смотрел на клинки в ладонях,
Как ромашку срывал, гадая,
Кто же первый меня ударит.

Словно двигался по канату
С ловкой храбростью акробата,
Но со струйкою ярко-алой
Вдруг желание жить пропало.

Что я делаю в тёмном платье,
Без оружия и с распяьем,
Зимним вечером, в старом храме,
С витражами в оконной раме?

Бездыханный, ничком на плитах,
Под смешки королевской свиты,
Забывая слова латыни...
Бог отступится и покинет.

Жизнь написана только вчерне
Меж заутреней и вечерней.
Ни предметов, ни лиц знакомых,
Здесь не люди – одни фантомы.

Под изогнутой тёмной аркой
Иронический взгляд монарха.
А где свечи мерцают, слева, –
Образ ласковой королевы.

Словно арфы прощальный трепет.
Не священник, а рыцарь – Бекет,

* Томас Бекет – друг и лорд-канцлер английского короля Генриха II Плантагенета, женатого на Алиеноре Аквитанской. Любитель военных и амурных приключений, Бекет по настоянию короля стал архиепископом Кентерберийским. Возможно, в отместку Генриху Томас Бекет наотрез отказался поддерживать монарха, отстаивая интересы церкви. После затяжного конфликта был убит четырьмя королевскими рыцарями прямо в Кентерберийском соборе в 1170 году.

Не любовник, не муж, но всё же...
Ты прости короля, о Боже!

Обнажённые шепчут вязы,
Бродит ветер, не видный глазу,
И во мгле, на кресте собора,
Замирает, как старый ворон.

Солнце раннее смотрит слепо,
Я рассыплюсь холодным пеплом,
И уйду в золотистом свете,
Озаряющем глубь столетий.

В разноцветном стекле витражном
Мне не холодно и не страшно.
Я растаю, как в небе птица,
Всё рассеется, растворится.

162

Леди Кромвель*

1

А в соборах исчезли фрески,
Их замазали чёрной сажей.
Я спросила. Ответил резко:
«Это Богу совсем не важно».

А в соборах исчезли лики,
Их замазали белым мелом.
Я смолчала. Воскликнул пылко:
«Богу нет до картинок дела!»

Бог один, как король на троне,
Бог везде, как король, незримо.
А архангелы на иконе –
Это вздор и шпионы Рима.

Ты женою моей быть хочешь?
Если да, то смирись, мой ангел.
Мне король новый титул прочит.
Был я писарь, а стану – канцлер».

* Томас Кромвель – первый министр английского короля Генриха VIII, один из главных идеологов Реформации в Англии. Впал в немилость и был казнён в 1540 году. Леди Кромвель – туманная историческая фигура. О ней встречаются лишь отдельные упоминания. Судьба её после казни мужа неизвестна. Некоторые историки полагают, что её вообще не существовало.

это не было или было...

Мы в престранном венчались храме:
Нет святых и одно распятье.
Но нарядными были дамы,
И сверкало в алмазах платье.

Я смотрела на чёрный ворот,
Острый взгляд под пером берета,
И враждебным казался город
Из дамастовой мглы кареты.

А закат пламенел как рана,
Ветер плакал в провалах лестниц.
Ты шепнул мне с улыбкой странной:
«И всё будет как в Песне Песней».

Мне от этого стало жарко,
Стало душно и стыдно стало.
Под готической тёмной аркой
Слуги подали два бокала.

Ну а в полночь вдруг молвил строго
Голос, полный нездешней власти:
«Ты молилась бы лучше Богу,
Чтобы не было вам несчастья».

Я уснула в оковах страха
И любого боялась звука,
Мне кровавая снилась плаха,
Снились пытки, огонь и мука.

И в постели холодной лёжа,
Всё шептала я: «Да воскреснет...»
А потом ты пришёл на ложе
И всё стало как в Песне Песней.

2

Это не было или было...
Вечность минула – я забыла.
Под ресницами – блеск металла.
И я вздрогнула, я пропала.
Чёрным бархатом, мехом лисьим
Ты в душе моей искру высек,
И, незримое, между нами
Колыхалось, мерцая, пламя.

И от бархата, и от меха
Сразу сделалось не до смеха.
Словно призрак лисы убитой.
Извиваясь, скользил по плитам,

Или то, что случится с нами,
Отразилось в зеркальной раме.
Но, твой плащ обнимая взглядом,
Я шептала, что очень рада.

Эти губы и эти скулы –
Словно ветром шальным подуло,
Закружили в безумном танце
Щёки бледные без румянца.
Ты смотрел на меня с усмешкой,
Тайны щёлкая как орешки.
Поклонился и руку подал,
Словно душу навеки продал.

Тусклой свечкой луна горела.
Мы стояли белее мела,
Мы стояли бледнее снега,
Словно узники пред побегом.
Два товарища по разбою,
Два клинка, обнажённых к бою,
Два сомнения, две напасти,
И две тени пред ложем страсти.

Но в лице, озарённом тускло,
Ни единый не дрогнул мускул.
Лишь потом, как сквозь полог зыбкий,
Губы тронула тень улыбки.
И, качнувшись у края бездны
(Были, не были – неизвестно),
Мы растаяли где-то вместе
Столкновением двух созвездий.
Лишь светилось луной, не меркло
То кольцо, что ты дал мне в церкви.

3

Художник, написавший наш портрет,
Улыбками сменил печать печали,
Мы замерли вдвоём на сотни лет,
Как будто нас сегодня обвенчали.

Ты в бархате, я в ласковых шелках,
А шею обнимает блеск жемчужин,
Как будто не рассыпались мы в прах,
И снова ждём гостей на званый ужин.

Как будто нам с тобою нипочём
Их лживые хвалы и комплименты,
Но страх стоит, как стражник, за плечом
И молча ждёт удобного момента.

Как будто, сыпля милость из горстей,
Монарх к нам как и прежде благосклонен,
Как будто не боимся новостей,
Наушников, арестов и погони.

Как будто не горят в тисках тревог
Надежды и сердца, тела и души,
И Бог как будто к нам не слишком строг,
И церковь своей клятвы не нарушит.

Как будто не обманут нас друзья,
И слуги наши вовсе не шпионы,
Как будто нас с тобой убить нельзя,
Отправив за границу Ахерона.

Как будто горячи колокола,
Нас славившие в небе над собором.
Я бредила тобою, я ждала,
Но мы с тобой расстанемся так скоро.

Как будто, наши руки разведя,
Король сменил внезапно гнев на милость,
Как будто не теряла я тебя,
Как будто даже плаха мне приснилась.

Как будто не стояла я застыв
В смеющейся толпе у эшафота.
Как будто бранный мир наш справедлив,
Как будто можно было ждать чего-то.

Художнику далёкому хвала –
Любителю пиров и красок строгих.
Мы словно загляделись в зеркала,
У Вечности застывши на пороге.

Я глажу твой пушистый воротник
И бледное лицо средь меха прячу.
И ветер в галереях тихо плачет,
Задув ночник.

Пилигрим

*Вижу, пилигримы спустились с гор
и пошли к дороге, ведущей к Небесному Граду.*

Джон Беньян, «Путешествие пилигрима» (1678 год)

1

В геенне своей совести горя,
То празднично, то тихо, то незримо
Я странствую – путями пилигрима
И волею Небесного Царя.

По грязи – от ворот и до ворот,
Сквозь ветер и туман, грозу и стужу
Шагаю из тех мест, где я не нужен,
Туда, где кто-то, может быть, и ждёт.

На лошади, покрытой чепраком,
И рыцарским мечом перепоясан,
То в рубище, то в платье из атласа,
То просто с длинной палкою пешком.

И тем, кто свои двери распахнёт,
Зовя меня к огню из мрака ночи,
Я счастье и удачу напророчу,
И с плеч сниму потерь тяжёлый гнёт.

Листая лики сморщенных страниц,
Словами, что внушает мне Создатель,
Я правду говорю совсем некстати
И подданных учу не падать ниц.

Соратник и соперник королей,
Я вечный их слуга и вечный странник,
И рыцарь, и торговец, и карманник,
И гордый раб Того, кто всех светлей.

Неправда, что я смерти не боюсь!
Я знаю, что бывает непокорным.
И всё же я смотрю, как пустят корни
Те книги, что я знаю наизусть.

Ни плаха, ни стрела, ни свист клинка,
В душе не вызывают удивленья,
Я в Вечность проскользну привычной тенью,
Как дым уходит ввысь от камелька.

В геенне своей совести горя,
Я снова прохожу блаженства мимо,
И странствую – путями пилигрима
И волею Небесного Царя.

Ни бархат, ни парча и ни дамаст,
Ни жемчуг, ни сапфиры, ни рубины...
Мне нужен только друг, что не предаст,
Мне нужен только плащ да ветер в спину.

Тропинкою лесною, налегке,
Пойду навстречу нежности закатной,
И будущее сжато в кулаке,
И кажется оно невероятным.

Под яростью ветров горит лицо,
И плащ плывёт за мною, точно крылья,
Я стану сам собой в конце концов
И сам себя в войне с собой осилю.

Я руку опускаю на эфес,
Таинственный в ветвях слышав шорох,
И тени мне скользят наперерез,
И гномы исчезают в тёмных норах.

Любители лесов и быстрых рек
Не смеют оборвать моей молитвы,
Я больше, чем святой. Я – человек,
Который выбирает поле битвы.

Насмешник, предсказатель, пилигрим
И воин, что клинок готовым держит,
Я скоро стану всем вокруг своим,
И солнце через тучи вам забрезжит.

Почтительной моя не будет речь,
Я знаю, как вельмож ужалить словом,
Но им бы свои головы сберечь,
А не готовить для меня оковы.

Ни землями, ни златом, ни казной
Меня не подкупить, ни званьем громким,
Нет нового под солнцем и луной,
Одни и те же грустные потёмки.

Мне всё равно, что думает король
И сколькими коронами гордится,
Я сам себе назначил эту роль,
И с ней ему придётся согласиться.

Чащобы яркой охрой опалив,
Нас осень обожжёт и обескровит,
Я чувствую вращение Земли,
А меньшее меня не беспокоит.

Я чувствую дыхание комет,
Галактик отдалённых трепетанье,

Я знаю даже то, что нас всех нет:
Лишь мысли, лишь сомненья, лишь желанья.

И брызги полетят из-под копыт,
И солнце стрелам цели обозначит,
Я столько раз уже бывал убит,
Что, Господи, пусть будет всё иначе!

Труба гортанным голосом зовёт,
И дело явно близится к финалу,
Мне снится пышный зал и бархат алый
Который год.

Пьер Лаваль* . Суд

Собрали декорации, и роли
Расписаны с начала до конца.
Да что же вы, месье, рехнулись, что ли?
Зачем мне эта маска подлеца?

Я это не умею – что за ересь!
Откуда столько гнусных фраз и поз?
И вовсе я на чудо не надеюсь,
А падаю, как поезд под откос.

Ну что вы, я не ангел. Врать не буду,
Но вряд ли дослужился до костра.
И зря вы называете Иудой,
Мне ближе роль несчастного Петра.

Он тоже отрекался – Бог свидетель!
Бледнел, молчал, рукою щупал меч.
Месье, я не играю в добродетель,
Я вижу, что игра не стоит свеч.

Я чувствую уже – всё бесполезно.
И маюсь в пустоте и немоте,
Меж вами и судьбой распят над бездной,
Как прежде наш Спаситель на кресте.

Месье де Голль! Вы больше, чем Всевышний,
А Богу не пристал подобный суд.
Быть может вы... А это что за вспышка –
Ракета взор валась, гроза, салют?

* Пьер Лаваль четырежды был премьер-министром Франции, в том числе, возглавляя коллаборационистское правительство Виши. Был расстрелян в октябре 1945 года как изменник. Генерал де Голль отказался подписать помилование, хотя общественное мнение было против столь жёсткого приговора. Большинство современных историков полагают, что пацифизм, а не профашистские симпатии подвигли Лавалья заключить перемирие с Германией. «На самом деле я люблю только Францию», – сказал он как-то. Сейчас на могиле Пьера Лавала на парижском кладбище Монпарнас всегда лежат белые цветы.

Марианна*

1

Ракеты, в спёртом воздухе сгорая,
Июньский озаряют небосвод.
Уедем из Парижа, дорогая,
Туда, где нас и дьявол не найдёт.

Пускай по мостовым грохочут танки,
И город как в дурном, нелепом сне.
Мы лучше задохнёмся в вихре танго,
Мы лучше позабудем о войне.

Зачем тебе сегодня эти взрывы,
И хуже взрывов – мрак и тишина?
Уедем же, где парк, каштаны, ивы,
И свечи в тёмной спальне у окна.

С бомбёжками сегодня нету слада,
И в небе, как назло, светло как днём.
Не бойся, мы сбежим с тобой из ада,
Не бойся, мы как тени проскользнём.

По совести, и я немного трушу,
Ведь нынче разных бед не перечесть,
Но, знаешь, я продам хоть чёрту душу,
Чтоб мы с тобой могли и пить, и есть.

Навряд ли вдруг с небес посыплет манна,
И вряд ли поведёт нас столп огня.
Я сделаю, что хочешь, Марианна,
Но только ты потом люби меня.

2

Ты смехом перед всеми согреши.
Сюда не долетают звуки боя.
Мы, может, будем счастливы с тобою,
Бродя в уединении Виши.

Ведь этот город – маленький Париж!
Бульвары, рестораны и отели.
Послушай, ты всерьёз, на самом деле
Сегодня о любви мне говоришь?

170

* Когда в начале лета 1940 года немецкие войска подошли к Парижу, началось массовое бегство горожан на юг страны. Чуть позднее там образовалась так называемая свободная зона со столицей в курортном городе Виши. Марианна – женский образ, с XVIII века символ Франции.

Я слишком недоверчив – вот беда.
Но в этом ты совсем не виновата.
Быть может, это первая расплата
За то, что... Впрочем, это ерунда.

Я вовсе не о том сказать хотел,
Я счастлив, что иду с тобою рядом.
Наверное, вот так находят клады
И ловят взглядом бег небесных тел.

То кружится внезапно голова,
А сердце то замрёт, то бьётся гулко.
А если под конец такой прогулки
Я предъявлю, мадам, на вас права?

Прости же. Я смешон в избытке чувств.
Вот снова томный взгляд, кивок, усмешка.
Ты в плен меня взяла, как будто пешку,
Коснувшись на ходу горячих уст.

3

Давно не топится камин,
И электричество погасло.
Мы как герои пантомим,
Мы экономим хлеб и масло.

Почти забыли про вино,
Чужой огонь нам пятки лижет.
Послушай, помнишь, как давно
Мы удирали из Парижа?

В тот день казалось хорошо,
Что мы бежим от этих взрывов.
И я тебя тогда нашёл,
И ты была такой красивой.

Мы удирали от войны
Туда, где тихо и опрятно,
Но, как объевшись белены,
Война явилась к нам обратно.

Теперь уже не убежать,
Мы все в тисках чужого бреда,
И остаётся просто ждать
Хотя бы чьей-нибудь победы.

Друг к другу жмёмся в полутьме,
Тебя сажаю на колени.
Наверно, раньше, при чуме,
Так превращались люди в тени.

Но ты сказала: «Так нельзя.
В подобной жизни толку мало».
Пальтишко сдёрнула с гвоздя,
Надела шляпку и пропала.

Но, Марианна, как же так?
Ведь я люблю тебя до дрожи.
Ты мой единственный маяк
Среди тоски и бездорожья.

В холодной утренней тиши
Пугают сплетнями газеты.
А ты покинула Виши,
И я не знаю, что ты, где ты.

В квартире подлинный разгром.
Из глубины зеркальной бездны
Дурной советчик, нагл и хром,
Мне улыбается скабрёзно.

4

Когда душа отчаяньем полна,
Причина в твоей памяти короткой.
Тоска меня швыряет, как волна,
И губит скоротечно, как чахотка.

И правда, я уже совсем больной.
Сижу один как сыч в потёртом кресле.
Нет, я не наслаждаюсь тишиной –
В ней будни наши прежние воскресли.

То слышу, простучали каблочки,
То чашка тихо звякнула о блюде,
А после, сжав упрямо кулачки,
Ушла ты без намеренья вернуться.

Предательство – оно почти как яд.
Вот тело наполняет странный холод,
И вещи меж собою говорят,
И сердце впопыхах стучит, как молот.

В глазах темно, на лбу холодный пот,
И хочется исчезнуть, раствориться.
И пусть меня сейчас хоть чёрт возьмёт,
Пристрелят полоумные убийцы.

Но словно сердцу мало этих мук,
Где каждый Божий день надежду рушит,
Судьба меня сжимает как паук,
И, кажется, теперь совсем задушит.

– Предательство, измена, алчность, стыд!
Глотаю этот хор, как едкий дым.
Я брошен – это хуже, чем убит.
Ведь больше и никем я не любим.

И что мне все угрозы гильотин,
Что пуля мне сейчас и что петля,
Когда я по земле бреду один
И кажется безлюдною земля.

В бессилии ночей, в усильях дня,
Где солнечный и лунный лепестки,
Надежду сумасшедшую храня,
Бросают в душу памяти ростки,

Я думаю порою, что вернусь,
Что снова окунёмся в прежний быт,
А после, как молитву, наизусть
Твержу, что о тебя навек разбит.

Я знаю, ты смертельный, горький яд,
Опаснее рапир и острых стрел,
И всё же я приду к тебе назад,
Как узники выходят на расстрел.

